

МОЙ ДЕНЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Имя:
Страны:

ОЛЕНА
УКРАИНА

Просроченный паспорт

Автобус остановился на блокпосте. Мое сердце замерло, желудок ухнул куда-то вниз... Я поднялась сегодня на рассвете. Маршрутка Донецк- Славянск отправлялась в 05:00 утра, я даже не позавтракала, ведь метадон мне сегодня предстояло получить уже не в ДНР, а в Украине.¹ Я ехала и тряслась от страха – только бы успеть в диспансер, только бы приехать вовремя. Донецкий сайт заместительной поддерживающей терапии (ЗПТ) находился на последнем издыхании – заканчивался препарат. С сегодняшнего дня дозы всем убавили ровно наполовину. Мои 50 мг превратились в 25 мг, а скоро не будет и этого. Метадон, предназначенный Донецкой области, мертвым грузом лежал на складе «Лики Украины» в Киеве, и ему суждено было так там и остаться.

Я ехала в Славянск по программе Альянса общественного здоровья под названием «Переселенцы». В этом маленьком курортном городке, славящемся солеными озерами и целебными грязями, с которого начался сырбор на Донбассе, жили мои родственники. Именно поэтому у меня не было чувства, что я еду в никуда. Хотя все равно мне было очень страшно – я боялась, что не проеду, ведь у меня был просрочен паспорт. В автобус заглянул украинский солдат – молодой, скуластый, конопатый хлопец: «Громадяны, куды йдѐмо? До дому?» «Так, до дому», – нестройным хором ответили пассажиры. Солдат прошел

по проходу, быстро проверяя паспорта. В свой паспорт я, по совету соседа-попутчика, положила 50 гривен. Выходя, он пожелал всем счастливого пути, и автобус тронулся с места – уже в Украине! Я перевела дух. Я проехала! Я буду на программе!

Назад в будущее

Весь 2014 год и первые пять месяцев 2015 года были ужасны своей неопределенностью и постоянным ожиданием того, что я приду утром получать препарат, а программа уже не работает. Я пришла на ЗПТ не своими ногами. Меня на руках туда притащил мой сын – после двух лет употребления «крокодила» я слегла. Ноги, уничтоженные сначала внутривенными, а потом внутримышечными инъекциями дезоморфина, держать меня не хотели. Пока мой сын договорился о месте на программе, пока собирались необходимые справки, я лежала дома, мучаясь от нескольких одновременно созревающих абсцессов и панически боялась, что просто не доживу до программы. Хотя «крокодила» было вдоволь, колоть его было уже просто некуда. И еще на второй день абстиненции у меня начинала развиваться острая почечная недостаточность: я отекала так, что не могла открыть глаз.

Помню, когда я первый раз получила метадон.

Это был праздник. Все, мне не надо колоть этот невыносимо болезненный и ядовитый «крокодил»! Я буду жить!

Правда, мне очень долго пришлось лежать в отделении, потому что я еле ползала: сначала на костылях, потом – по стеночке. Как бы я добиралась каждое утро на Буденовку двумя транспортом? После завтрака в отделении я медленно сползала с третьего этажа, с бутылкой воды в руке ковыляла в другой корпус, где располагалось отделение ЗПТ, принимала препарат, потом ползла назад, ждала сына с передачей, а потом спала, спала, спала...

Когда стало легче, перебралась домой. А потом я, как сказали мои новые друзья-пациенты ЗПТ, «отошла», или, другими словами, пришла в себя: постриглась,

меня появились новые интересы и новые друзья. Я была счастлива. Но только началась война, которая украла у меня это счастье и эту свободу.

Та самая женщина из Донецка

И вот я вырвалась из Донецка и снова почувствовала себя свободной и счастливой – я ехала по Славянску в наркодиспансер. Это лечебное заведение меня поразило. После ободранных стен кабинета ЗПТ в Донецке, мрачного коридора и щелястого пола тут была чистота, свежая краска, кружевные занавески. С сумкой, в которой были все мои пожитки, я шла по диспансеру в поисках доктора Кравченко. Главврач Ляпин тогда находился под следствием по делу о взятке, и Кравченко исполняла его обязанности.

В кабинете сидела крупная старуха со злым лицом и капризно поджатыми губками. Вместо «здравствуйте» она спросила у меня: «Что, приехали жрать чужие таблетки?» Потом она посмотрела на часы и сообщила, что я слишком поздно приехала и сегодня препарат не получу. Я возразила: «Так ведь только без 20 минут 9, а сайт работает до половины 10!» Тогда докторша посмотрела на меня, как на маленькую букашку, у которой вдруг прорезался голос: «Мне еще надо тебя осмотреть и оформить». Стыдно сказать, но я расплакалась и начала ее умолять. «Ну ладно, – снизошла докторша. – Давайте ваши документы».

Я сказала: «Там указана доза 25 мг, но, посмотрите, еще вчера я принимала 50 мг, и моя рекомендуемая доза 50 мг».

После этого я услышала, что там ничего не написано (ложь, я ведь читала свои бумаги), что повышать мне дозу будет моя врач, которая выходит из отпуска только в понедельник (дело было в пятницу), что я слишком много себе позволяю, и чтобы я не умничала, а не то поеду назад!

покрасилась. Вскоре зажили абсцессы, и мои ноги из слоновьих тумб стали приходить в норму. Я почувствовала невероятную свободу. А когда приходили прежние знакомые, чтобы сварить «крокодил», я просто не открывала дверь. У

¹ В 2014 году российские военные силы оккупировали часть Донецкой и Луганской областей Украины. В оккупированной части донецкой области образовалась так называемая Донецкая народная республика (ДНР). В связи с тем, что на территории Российской Федерации ОЗТ запрещена по закону, такие же правила приняли и на территории оккупированного Крыма, ДНР и ЛНР, закрыв программы ОЗТ, а также осуждая за контрабанду наркотиков тех пациентов, которые получают препарат на руки на Украинской территории и привозят его домой (ссылка на #freeZelenina campaign) <https://www.facebook.com/FreeNataashaZelenina>.

Доктор отвела меня в кабинет ЗПТ, где мне выдали 25 мг метадола, потом заставила раздеться донага и осмотрела с помощью увеличительного стекла – и пах, и подмышки, и все остальное... Когда я вышла на улицу, у меня было единственное желание выплакаться и уехать назад домой. Но я взяла себя в руки и позвонила своей тете Наташе. Мы договорились, что я вызову такси, заеду к ней в психдиспансер на работу, и после этого мы поедem к ней.

Я нажала на отбой, когда поняла, что не знаю, как вызывать такси в Славянске. Я подхватила сумку и пошла к дороге. Там я увидела магазин под названием «Причал» и рядом кафе. Возле входа курил парень – явно пациент ЗПТ. Он спросил, откуда я, и, узнав, что я – та самая женщина из Донецка, которая должна была приехать на программу, закричал: «Алена!» Из кафе вышла маленькая девушка с красивыми и длинными светлыми волосами. Так я познакомилась с Аленой Бегуновой – социальным работником из организации «Наша допомога». Она очень много для меня сделала в первое время: помогла освоиться в Славянске; на ее карточку папа переводил деньги; несколько раз я просыпала, и ее муж Гриша мчался за мной на мопеде и привозил на программу. Я знала, что всегда могу обратиться к этой невероятно энергичной малышке, и она всегда придет на помощь.

Алена угостила меня кофе и просто забросала вопросами. А когда заметила, что я просто пришибленная после общения с Кравченко, сказала, что у меня будет другой врач по фамилии Михайлова, и это намного лучше. Это и правда оказалось лучше, только намного ли? Кравченко стремилась нас перевоспитать и наказать. Михайловой было просто все безразлично.

Доза в 50 мг

Два выходных дня на половинной дозе показались мне адом. Немного сглаживал ситуацию гедазепам и соннат, которые мне выписала моя тетушка, врач-психиатр. Утром в понедельник я познакомилась со своим врачом и со старшей сестрой диспансера, которая тоже для знакомства обвинила меня в том, что я приехала объедать их пациентов, и лучше бы сидела дома.

Надо ли говорить, что дозу до 50 мг мне поднимали по пять мг, что моя докторша перед каждым

подъемом на эту несчастную пятерку заставляла меня сдавать кровь на ГГТ? Для сдачи этого анализа мне нужно было купить в аптеке набор для забора крови и явиться на сайт до 07:30. ГГТ – это всего лишь гамма глутамат трансминаза, такая печеночная проба.

Однажды вышел казус. Когда моя доза приблизилась к 35 мг, моя докторша вдруг заявила, что больше добавлять не будет. «Почему?» – удивилась я. «Потому что по твоим анализам видно, что метадола тебе хватает». Я опешила: «По каким анализам?» Михайлова невозмутимо ответила: «По ГГТ». Она забыла, что я тоже врач, а следовательно я прекрасно знаю, что результат этого анализа может в лучшем случае показать, как работает барьерная функция моей печени. И все! И тут я сделала глупость – рассмеялась и пошутила, что, мол, эдак вы, Галина Юрьевна, скоро нобелевку получите, раз по печеночным пробам научились измерять субъективное самочувствие пациентов заместительной терапии. Она даже не покраснела, зато я вскоре об этом очень сильно пожалела.

Первое время в Славянске я упивалась свободой и безопасностью. А еще законностью – я могла гулять поздно вечером, не боясь, что меня схватят и без суда и следствия отправят в подвал или вообще убьют. Не было слышно надоевшего грохота канонады. Метадон будет завтра и послезавтра, и никто не отнимет у меня заместительную терапию. Я даже не обращала внимания на открытое хамство медицинского персонала и стигму, царившую на сайте. В Донецке я привыкла к дружелюбным и толерантным докторам и к обращению на «вы», поэтому контраст между отношением к пациентам в Донецке и Славянске был очень резкий.

Это было лето 2015 года, в Украине уже был введен самостоятельный прием. Но при главвраче Ляпине до выдачи на руки было как до царства небесного, далеко и недостижимо. К слову, я начала получать препарат для самостоятельного приема только в 2020 году, когда перевелась к семейному врачу.

Грязь под ногами хороших людей

День за днем проходили одинаково, как под копирку. Я просыпалась, одевалась, ехала на сайт. Там отстаивала очередь, медсестра толкла мою дозу в ступке, высыпала порошок в

стаканчик с водой, я выпивала препарат, потом шла через дорогу в кафе, чтобы запить метадон чашкой кофе. Так делали многие.

Потом мы сдвигали столы в кафе и до полудня сидели, попивая кофе и болтая. Медперсонал не одобрял посещение кафе. Но даже наша болтовня давала Кравченко информацию: среди нас были ее стукачи и провокаторы. Стоило рассказать за столиком кафе что-то крамольное, сразу же это становилась достоянием медперсонала. Да, это было пустое и бессмысленное времяпрепровождение. Но а чем еще можно было заниматься людям, которые не могли найти работу из-за графика работы кабинета ЗПТ. Собственно, кроме программы мы не имели другого содержания своей жизни. После полудня я шла домой, что-то ела и ложилась спать. Просыпалась к вечеру, читала, сидела в социальных сетях. Однообразие жизни иногда разбавлялось происшествиями и смертями среди пациентов.

Однажды меня послали на тест. Сдать экспресс-тест для уриноконтроля нужно было до окончания работы кабинета – не по закону, а по прихоти медперсонала. Я приехала на сайт за 15 минут до его закрытия. Медсестра Ирина все время меня торопила и заставляла пить воду, а помочиться я не могла. Тем более что перед выходом из дома я очень обильно сходила в туалет. Плюс у меня практически одна почка, и я обычно страдаю олигурией (малое количество мочи).

До конца работы сайта оставалось 7 минут, и тогда Ирина заявила: «Делай что хочешь, но если ты не сдашь тест, я не дам тебе препарат». Тогда я совершенно не знала нормативные документов по заместительной терапии и понятия не имела о своих правах, поэтому очень испугалась. Я расплакалась и побежала к своему врачу: «Галина Юрьевна, я не могу помочиться!» Моя докторша, спокойная как удав, спросила: «А почему ты плачешь?» Я прорыдала: «Потому что Ира без теста мне не дает метадон». «А, ну, выпей воды, что ли, расслабь сфинктер». А проклятый сфинктер не хотел расслабляться, и передо мной маячила бессонная ночь в абстиненции.

Не понимаю, неужели этим людям в белых халатах нравилось унижать и мучить меня? Сейчас я знаю, что мои права в тот момент грубейшим образом нарушались. Но тогда я была невежественной в этом вопросе, перепуганной переселенкой,

которой на сайте ЗПТ внушали, что я должна быть счастлива, что меня, сепаратистку несчастную, вообще взяли на программу, что я наркозависимая и ничтожество, недочеловек, подонок, грязь под ногами хороших людей, преступница, лишённая прав, а заболевание мое, наряду с сифилисом и проказой, представляет общественную опасность (это реальное высказывание доктора Ляпина на собрании сайта ЗПТ).

Спасительный звонок

Я не смогла сдать тест. Кабинет закрылся. Метадон мне не дали. Зареванная и несчастная, я пришла на причал и встретила там Алену. Именно она посоветовала мне позвонить на Горячую линию по вопросам ЗПТ и наркозависимости. Я так и сделала: позвонила и рассказала, что случилось. Через несколько минут оператор, по голосу молодая женщина, перезвонила мне: «Доктор Михайлова сказала, что не дала вам препарат не потому, что вы не сдали тест, а потому, что вы, по ее словам, находитесь в состоянии такого сильного наркотического опьянения, что она просто испугалась передозировки».

И в этот момент мои слезы мгновенно высохли, а на смену обиде пришло негодование, а потом – холодная трезвая злость. Мало того что я осталась «на кумарах», так меня еще и оклеветали. Я выросла в семье врачей и никогда за «номером» в общей очереди в поликлинике не сидела, не сталкивалась с безобразием, которого медицине хоть отбавляй, и которое было, есть и будет. У меня были возвышенные и романтические представления о врачах, поэтому это беспардонная наглая тупая ложь врача, представителя профессии, которая обязывает к

гуманизму и порядочности, ужасно меня потрясла. И, признаюсь честно, не только потрясла, но и ранила до глубины души. В тот момент я решила, что нужно вытереть слезы и оскалить зубы. Я так и сделала: утерла слезы, высморкалась, выпила три чашки кофе, потом подождала, пока захочется по-маленькому, вернулась в больницу, сдала тест, который оказался негативным по пяти показателям, взяла бумажку с результатом, поднялась в ординаторскую, спокойно положила ее на стол перед Михайловой и, глядя ей в глаза, спросила: «Глубокоуважаемая Галина Юрьевна, скажите, пожалуйста, по каким клиническим признакам вы определили, что я нахожусь в состоянии такого глубокого наркотического опьянения, что, как вы сказали оператору горячей линии, вы побоялись дать мне препарат во избежание передозировки? Вот вам результат теста». Вы думаете, что она смутилась, начала бормотать какие-то оправдания, извинения? Да куда там! Взгляд ее был ясен и безмятежен. «Ты обиделась, что я решила тебя проверить? Мы имеем права это делать!» – она даже не поняла, чем вызвано мое негодование. Разве можно оклеветать «наркомана»? Разве эти существа имеют чувство собственного достоинства? Дорогая, о чем вы?

Ангел поцеловал меня в лоб

Это только один случай из множества подобных, которые стали системой. Я вспоминаю это время, и это было самое настоящее болото, рутина, одинаковые дни, растиражированные под копирку. Утром программа, кофе и сплетни, сплетни, сплетни. Потом снова сплетни. Вечером – «травя», если есть деньги и повезет. А так еще телевизор и разборки, разборки, разборки – просто от безделья, тоски и ничем не занятых мозгов.

Потом мне повезло – я нашла работу сторожем на стоянке машин. Платили смешные копейки, но всю смену я могла читать, «проглотив» за год все, что было написано американскими и русскими фантастами; перечитала Фейхтвангера, обоих Маннов и многих других.

В вагончике тепло, вьюга заметает машины, а я в десятый раз упиваюсь «Именем розы» Умберто Эко. Читаю и ужасно себе нравлюсь, потому что

мне эта книга понятна полностью, до последнего словечка. И не только понятна. Я читаю сложные, пронизанный аллюзиями и намеками текст, получаю наслаждение, чтобы знать историю литературы, историю языка, историю католической церкви, историю искусства. И тут в мое сознание, наполненное удовольствием и радостью, что я такая образованная и умная, приходит мысль: «Если ты такая офигенная, какого дьявола ты здесь делаешь, выполняя работу, с которой справится даже дурак?»

Это положило начало моему дальнейшему подъему: от почти растительного и бездумного существования к полной, плодотворной, интересной и настоящей жизни. У меня появилась мечта – работа в Альянсе общественного здоровья. Правда, я тогда не представляла, чем они в этом Альянсе занимаются. Но мне казалось, что я смогу найти там применение своим знаниям и своему врачебному диплому. И хотя все сложилось иначе, чем мне представлялось, моя мечта все-таки сбылась. Я работаю в Альянсе общественного здоровья, правда, в составе редколлегии.

А еще ангел поцеловал меня в лоб, и я проснулась активисткой. Это произошло, наверное, потому, что никогда раньше я не могла пройти мимо безобразия, не терпела несправедливости и не могла видеть, когда обижают слабых и беззащитных. А кто более беззащитен в этом мире, чем наркозависимый!

Как теперь проходит мой день? Совсем иначе. Утром я принимаю препарат, который получаю на руки, и это единственный кусочек рутины, который остался в моем распорядке дня. А дальше начинается полный всевозможной работы и забитый до отказа важными делами день: я пишу, помогаю, защищаю, иногда учусь. А когда этот интересный и пестрый день заканчивается, я чувствую ужасную усталость и удовлетворение. И хотя я иногда засыпаю, сидя за столом во время ужина, я по-настоящему счастлива. Сегодня я уже не Лена, которая приехала в 2015 году в Славянск, я совсем другая женщина – сильная, смелая и свободная.

Олена Курлат, Украина

[More stories on the EHRA website](#)